

ТРОПИНКА

ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ДѢТЕЙ.

№ 8.

15 АПРѢЛЯ

1910 г.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ V.

Изданія журнала „ТРОПИКЪ“

Адресъ редакціи и конторы: Спб. Вознесенскій, 36, кв. 4. Телефонъ . . .

Безобразова М. С. «Исторія одного воробья». Съ рисунками. Изданіе 2-е. Цѣна 25 к.

Бяляевская О. А. «Капель» Стихотворенія. Цѣна въ папкѣ 75 к., въ обложкѣ 40 к.

Кондурушкинъ И. С. «Въ деревнѣ». Разказы. Съ рис. Цѣна 25 к.

Купринъ А. И. «Слонъ». Съ рисунк. Цѣна 25 к.

Карроль Лююисъ. «Приключенія Алисы въ странѣ чудесъ». Любимая книга англійскихъ дѣтей. Переводъ Allegro. Съ рис. Цѣна въ обложкѣ 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к.

Лондонъ Джэкъ. «Букъ». Исторія одной собаки. Переводъ Н. Манасеиной. Съ рисунк. Цѣна въ обложкѣ 40 к., въ папкѣ 75 к.

Малахіева-Мировичъ В. Г. «Золотой домъ». Сборникъ разказовъ. Съ рис. Цѣна въ обложкѣ 75 к., въ папкѣ 1 р.

Манасеина Н. И. «Разказы для дѣтей». Со многими рис. Цѣна въ папкѣ 1 р. 50 к. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народн. Просвѣщенія признана подлежащей внесенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній

Манасеина Н. И. «На Рождествѣ». Три разказа. Съ рисунками. Изданіе 2-е. Цѣна въ обложкѣ 50 к., въ папкѣ 80 к. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и признана заслуживающей вниманія при пополненіи бесплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

Манасеина Н. И. «Мамино дѣтство». Разказъ изъ институтской жизни. Съ отдѣльн. рис. на мѣловой бумагѣ. Ц. въ обложкѣ 50 к., въ папкѣ 80 к.

Поливановъ В. П. «Воронъ». — «Индѣйцы». Съ рис. Ц. 25 к.

Соловьева П. С. «Елка». Стихи для дѣтей. Съ рис. Изд. 2-е. Ц. 35 к.

Соловьева П. С. «Семилѣтка». Народныя сказки. Съ рисунк. Изданіе 2-е. Ц. въ папкѣ 80 коп. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ.

Соловьева П. С. «Свадьба солнца и весны». Пьеса въ стихахъ. Съ рисунк. Ц. 20 коп.

Соловьева П. С. «Разгадай». Сборникъ ребусовъ, шарадъ и загадокъ. Ц. 25 коп.

Соловьева П. С. «Березкины именины». Пьеса въ стихахъ. Съ рис. Ц. 25 к.

Соловьева П. С. «Первое Апрѣля». Комедія въ одномъ дѣйствіи. Ц. 10 к.

Соловьева П. С. «Няня». Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Ц. 15 к.

Соловьева П. С. «Чудесная ночь». Пьеса въ стихахъ. Ц. 20 к.

Шапиръ Н. Л. «Люди и звѣри». Съ рисунками. Ц. 25 к.

Франсъ Анатоль. «Пчелка». Сказка. Съ рис. Изданіе 2-е. Переводъ Н. Манасеиной. Ц. 25 к.

Allegro. «Дѣти зимой». Открытки въ краскахъ. Ц. за дюжину 25 к., съ пересылкой 35 к.

Выписывающіе книги изъ редакціи за пересылку не платятъ.

Подписчикамъ „ТРОПИКЪ“ дѣляется уступка въ 20%.

На выставкѣ „Искусство въ жизни ребенка“ 1909 г. книгоиздательству „Тропинка“ присуждена золотая медаль.

1910 годъ.

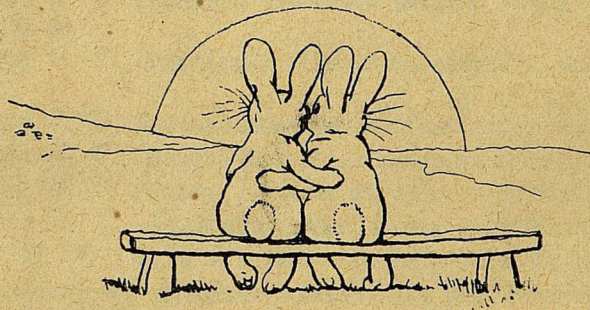
Апрѣль № 8.

ЖУРНАЛЪ

ТРОПИНКА.

Содержаніе.

1. Жены-муроносицы — картина *Лауренса*.
2. Жены-муроносицы — стихотвореніе *П. Соловьевой*.
3. Пасха — рассказъ *А. Ремизова*.
4. Поясъ Пресвятой Богородицы — народная легенда въ пересказѣ *Н. Манасеиной*.
5. Христова дочка — стихотвореніе *С. Городецкаго*.
6. Овсянки — рассказъ *Н. Манасеиной*.
7. Свѣтлый день — стихотвореніе *Allegro*.
8. Комета Галлея — *Л. Егорова*.
9. Жизнь Хитролиса — *П. Соловьевой*. Рисунки *Рабье*.
10. На родинѣ первыхъ людей — *П. Инфантьева*. (Продолженіе).
11. Вѣсти отовеюду.
12. Народныя поговорки и примѣты на апрѣль.
13. Почта „Тропинки“.
14. Ребусъ № 4.

Жены-мурносицы. Картина Лауренса.

Жены-мурносицы.

Памяти моей матери.

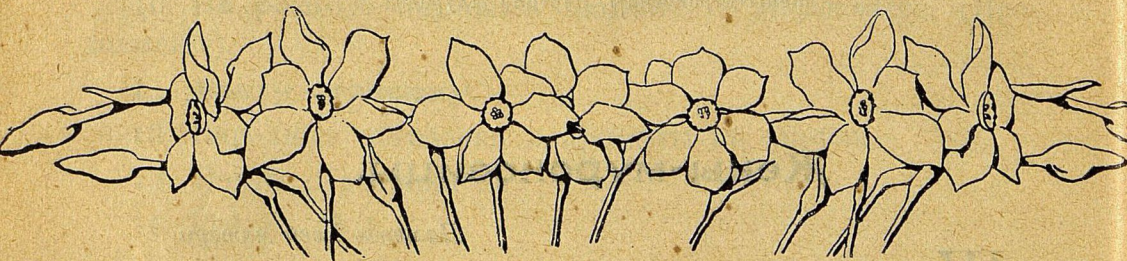
УУМАНЪ и заря надъ землей полусонной.
По склонамъ три женщины шли
И съ масломъ янтарнымъ кувшинъ благовонный
Ко гробу Господню несли.

Улыбкой свѣтлѣютъ суровыя дали,
Колючія травы въ росѣ,
И свѣты небесъ на землѣ засверкали
Въ изгибной рѣчной полосѣ.

Ты первую шла и молитву шептала.
Въ душѣ твоей страхъ и мечта.
Заря разгоралась, заря обѣщала:
„Сегодня увидишь Христа!“

„Сквозь росныя слезы, въ туманахъ зари я
Провижу день свѣтлыхъ чудесъ.“
Кремнистой тропю идешь ты, Марія,
Колючія травы и скалы нагія
Проснулись и шепчуть: „Воскресъ!“

П. Соловьева.

Пасха.

I.

Ля гимназистка, третьеклассница, одиннадцатъ лѣтъ ей.

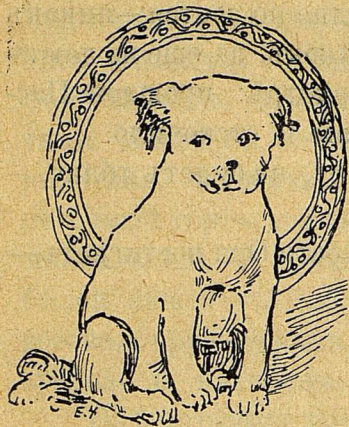
Коса у нея уже довольно большая и съ голубою ленточкою. Если спросить Олю, что она больше всего любитъ, она безъ заминки отвѣтитъ:

— Пасху.

Такъ и считаетъ свои дни отъ Пасхи до Пасхи.

Оля знаетъ много, что нужно на Пасху. Когда посадятъ тортъ въ печку, она ложится и плачетъ въ подушку — такъ надо немного поплакать, и тортъ выйдетъ хорошій. Когда всходятъ куличи, она по комнатамъ не ходитъ, потому что не хорошо куличу, если ходятъ—можно босикомъ, и то развѣ при надобности. Съ куличами большая забота: не удадутся—выйдетъ внутри пустышка, и ужъ въ этомъ году такъ и знай, въ домѣ непременно умретъ кто-нибудь. Съ куличемъ держи ухо востро!

Во всемъ, что бы ни дѣлалось — во всехъ пасхальныхъ приготовленияхъ Оля принимаетъ самое большое участіе. Она смотритъ, какъ старая нянька Фатевна бьетъ тѣсто передъ тѣмъ, какъ сажать его въ печку: какъ захватить его изъ квашни да бросить на доску, да разъ бросить, да въ другой бросить, да въ третій—Фатевну и тѣсто слушаетъ! Помогаетъ Оля раскладывать свѣжіе куличи на подушки — свѣжіе куличи непременно надо класть на подушки, — дѣлаетъ кра-

сивья бумажки подъ торты и еще многое множество всякихъ дѣлъ передѣлаеть, нужныхъ для такого краснаго дня, отъ котораго Оля всѣ свои дни считаетъ. Одно не дается—никакъ не можетъ Оля отдѣлять желтки отъ бѣлковъ, да еще не даютъ ей растирать лопаточкой творогъ въ макотрѣ: прошлой Пасхой растирала, растирала, дно у макотры и отскочило.

— Я говорила, что изъ нашего пѣлку, не будетъ тѣлку, — сказала тогда нянька Фатевна.

Ну да что, со временемъ и эти мудрости Оля постигнетъ— дѣвочка она смышлѣная.

II.

Вербная въ исходѣ, пройдетъ день, два, и распустятъ на Пасху. Оля заволновалась: изъ дома она получила письмо отъ отца и отъ матери — и Александръ Павловичъ, и Наталья Ивановна одно пишутъ, что не придется Олѣ пріѣхать домой въ Ватагино, дорога испортилась, сильный разливъ, пріѣхать нельзя.

Никогда еще Оля не проводила Пасху въ городѣ и не можетъ представить себѣ, какая тутъ Пасха въ этомъ городѣ. Она знаетъ и любитъ свою ватагинскую — деревенскую, ея дожидается и о ней думаетъ. Какъ же ей не волноваться!

Вотъ наступитъ Страстная недѣля — день за днемъ вся недѣля въ какой-то горячкѣ, а въ великую субботу ужъ такое подымется, такая суматоха, нѣтъ никакого порядка: успѣлъ перекусить — хорошо, не успѣлъ — пеняй на себя: ужъ очень всѣмъ дѣла по горло.

И придетъ, наконецъ, вечеръ субботы. Всѣ дѣти ложатся спать и спятъ до одиннадцати, а ровно въ одиннадцать нянька Фатевна всѣхъ разбудитъ — пора собираться къ заутрени.

Когда Оля нарядная, въ бѣломъ платьицѣ съ голубою ленточкою проходитъ по залу, ей страшно. Въ углу передъ чудотворной Ильменевской Божьей Матерью лампадка горитъ— одна лампадка освѣщаетъ огромный залъ. Посреди зала, отъ фортепiano до камина съ часами, бѣлый столъ, убранный цвѣтами. Много на столѣ куличей и пасохъ — бѣлая пасха, коричневая, большая, маленькая, еще поменьше, и тортовъ— песочный тортъ, масляный, бакалейный, шоколадный, хлѣбный, миндальный, и щетинистый окорокъ, и индюкъ, начиненный бѣлой кашей съ миндалемъ, и телячья нога, вина, наливки — розовая, кружовенная, барбарисная, сливянка желтая, сливянка красная и, наконецъ, поросенокъ.

Олѣ страшно поросенка. Какъ войдетъ она въ залу, онъ ей такъ прежде всего въ глаза и бросается: онъ лежитъ важно на блюдѣ прямо подъ люстрой, а во рту у него хрѣнь. Почему Оля поросенка боится, она и сама сказать не можетъ, но всякую Пасху, какъ проходитъ по залу, его-то именно и страшно: лежитъ онъ на блюдѣ, а во рту хрѣнь.

Всѣмъ домою пѣшкомъ отправляются въ церковь — въ эту ночь ѣздить нельзя — впереди съ фонаремъ кучеръ Григорій, за нимъ Миша и Лена, потомъ Наталья Ивановна съ Ириной, ключникъ Фѣдоръ Кривой и камердинеръ Фѣдоръ Прямой, сзади съ узелкомъ нянька Фатевна, а далеко впереди всѣхъ Оля съ отцомъ.

И во весь путь замираетъ сердце:

„А что если въ этомъ году, — думаетъ Оля, — не такъ будетъ, вдругъ да не будутъ пѣть „Христосъ Воскресе?“

Возлѣ церкви бабы сидятъ — на головахъ бѣлыя намитки длинныя, какъ саванъ; и куличи, и поросенки, и пасхи, принесенные въ церковь святить, бѣлымъ холстомъ покрыты, возлѣ бабъ лежатъ. Олѣ вспоминается, что сказалъ ей однажды

отецъ и не разъ говорила нянька, будто въ пасхальную ночь мертвые встають изъ гробовъ, она всматривается въ бабъ—и вдругъ отступаетъ: да это вовсе не бабы, а мертвые — покойники съ кладбища сидятъ у церкви. И хочется ей поближе взглянуть, и жмурится отъ страха.

Въ крестномъ ходу Оля идетъ рядомъ съ батюшкой о. Евдокимомъ, а за ними съ народомъ—съ мужиками и бабами идутъ и мертвые, и покойница бабушка Анна Михайловна, и сестра Таня. Оля знаетъ, слышитъ, шаги ихъ чувствуетъ сзади себя—ихъ много въ бѣлыхъ саванахъ, и старыхъ, какъ бабушка, и маленькихъ, какъ Таня, въ голубыхъ платицахъ, но ей ужъ не страшно — сердце стучить, духъ захватываетъ.

Такой былъ обычай въ Ватагинѣ: Ильменевскій кучеръ Григорій въ пасхальную ночь представлялъ дьявола. Онъ одинъ оставался въ церкви во время крестнаго хода и, ставъ у дверей, изо всей силы припирая плечемъ, держалъ ихъ, чтобы не пустить обратно крестный ходъ въ церковь. Но лишь только на паперти скажетъ батюшка: „Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его“, а за нимъ въ первый разъ запоютъ „Христоръ Воскресе“, тутъ не выдержитъ дьяволь, обезсилитъ, скорчится весь и, отпустивъ двери, опрометью бросится черезъ всю церковь, да куда-нибудь и проскочитъ.

Распахнутся двери, и со свѣтомъ свѣчей хлынетъ:

— Христоръ воскресе!

Оля плачетъ, не замѣчаетъ слезъ, видитъ такой свѣтлый радостный свѣтъ, чувствуетъ, какъ охватилъ этотъ свѣтъ ея сердце, всю душу, всю ее, и не можетъ не плакать отъ радости:

— Христоръ воскресъ!

— Олюшка, — шепчетъ ей на ухо нянька, — какое у тебя лицо свѣтлое, Олюшка, Христоръ воскресъ!

Кончится заутреня, отстоятъ обѣдню, и домой. Впереди съ фонаремъ идетъ кучеръ Григорій, за нимъ Миша и Лена, потомъ Наталья Ивановна съ Ириной, ключникъ Ѳедоръ Кривой и камердинеръ Ѳедоръ Прямой, сзади съ узелкомъ нянька Фатевна. Оля опять съ отцомъ далеко впереди, и много обгоняютъ они мужиковъ и бабъ съ куличами, поросенками и пасхами. Чуть только брежжетъ. Въ хатахъ огоньки горять.

Дома ждуть батюшку, весь домъ освѣщенъ, ждуть не дождутся. Наконецъ, пріѣзжаетъ о. Евдокимъ, святить пасхи, христосуется. А Оля ужъ давно успѣла перехристосоваться и не только съ домашними и со всею прислугою, но и съ цвѣтами и съ любимыми коробочками, со всѣми книгами, кромѣ географіи — она нелюбимая.

Батюшка отрѣжетъ себѣ кулича и пасхи, первый попробуетъ, и тогда всѣмъ можно — тогда всѣ начнутъ разговляться.

„И какъ это батюшка не лопнетъ?“ — думаетъ Оля, глядя на о. Евдокима, который всего долженъ первый попробовать и не только у Ильменевыхъ, но и у всѣхъ сосѣдей: и у Боровыхъ, и у Лупичевыхъ, и у Сахновскихъ, и даже въ Лубенцахъ у чудного старика Кеверія Матвѣевича.

А какъ весело проходитъ первый день! Хорошо на первый день качаться на качеляхъ, прыгать на доскахъ, катать яйца, цѣлый день звонять въ колокола.

Оля знаетъ, что только для пасхальной ночи — для первого дня она и на свѣтѣ живетъ. И развѣ можетъ она въ эту ночь не быть дома — въ Ватагинѣ, развѣ можетъ она остаться здѣсь въ городѣ, въ пансіонѣ, гдѣ за зиму все надоѣло и прискучило? Нѣтъ, Оля знаетъ и твердитъ себѣ, что непременно поѣдетъ домой и ужъ такъ будетъ рада, такъ рада, что и съ географіей похристосуется — чувствуетъ Оля свою вину передъ географіей.

Прошло, между тѣмъ, Вербное, прошли три первые дня Страстной недѣли — говѣла Оля и причащалась — прошли и Страсти, никто за Олей не ѣдетъ. И вотъ, когда, кажется, не оставалось ужъ никакой надежды, утромъ въ великую субботу пріѣзжаетъ въ городъ сосѣдъ Ильменевыхъ Сахновскій, заходитъ въ пансіонъ Линде, и Олю отпускаютъ съ нимъ домой.

III.

Все было готово и столъ убранъ, когда пріѣхала Оля въ Ватагино. Ей оставалось только провѣрить, такъ ли все сдѣлано: такъ ли яйца покрашены, и какіе куличи, и пасхи и какой поросенокъ.

Всѣ рады Олѣ, и Оля всѣмъ рада.

— Не ожидала ты, что пріѣдешь на Пасху?

— Нѣтъ, мама, я навѣрное знала, что пріѣду.

— Сердце лучше знаетъ, и ни словами, ни письмами его не обманешь, — сказала Александръ Павловичъ, любуясь на свою сѣроглазую любимицу.

И когда пришла ночь, все случилось такъ, какъ и прежде. Какъ и въ прошлые годы, проходя по залу, Оля забоялась поросенка, а по дорогѣ въ церковь волновалась, что вдругъ да не будутъ пѣть „Христось воскресе“, опять видѣлись ей мертвые у церкви, и опять, какъ зацѣли въ первый разъ „Христось воскресе“, отъ радости плакала, а нянька Фатевна говорила, что лицо у Оли свѣтлое.

Въ этотъ разъ Оля рѣшила во что бы то ни стало не пропустить восхода солнца. Нянька Фатевна ей рассказала, что на первый день Пасхи солнце особенно восходитъ: ясно видно на солнцѣ, какъ Христось изъ гроба встаетъ, а то, какъ Христось возносится, а то просто крестъ изъ солнца выходитъ.

И вотъ, когда разговѣлись, и уѣхаль батюшка, и весь домъ спать улегся, Оля поднялась въ правую башню, гдѣ библіотека, и сѣла у окна ждать восхода солнца.

И показалось солнце, сначала красное, потомъ золотое— весь садъ загорѣлся, всѣ птицы зачирикали—поднялось надъ садомъ, встало солнце прямо противъ Оли—зарябило въ глазахъ, и Оля ничего не увидала.

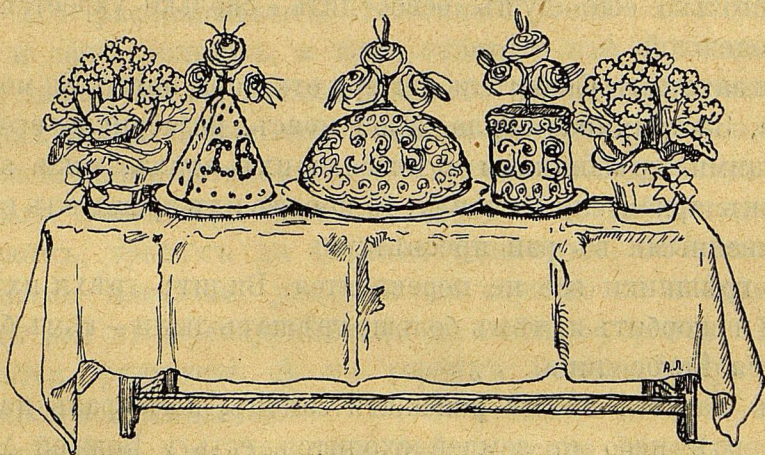
Пошла Оля къ нянкѣ, разбудила Фатевну.

— Что это значить, ничего я на солнцѣ не увидала?

— А ты, вѣрно, въ ту самую минуту глаза зажмурила,— сказала старая нянька,—а я такъ вотъ видѣла: Христось изъ гроба вставаль, Олюшка.

Повѣрила Оля Фатевнѣ и не долго печалилась: ужъ на будущую Пасху всѣ глаза проглядить—она увидить, и пускай слезы градомъ текутъ, не сморгнетъ, не зажмурить своихъ сѣрыхъ глазъ—она все увидить.

Алексѣй Ремизовъ.

Поясъ Пресвятой Богородицы.

ОГДА Христось, умеревъ на крестѣ, сошелъ въ адъ, Онъ вывелъ оттуда всѣхъ праведниковъ,— и пошли освобожденные съ радостью и пѣніемъ въ рай пресвѣтлый, а грѣшники руки къ Спасителю простирали, плакали и стонали.

Услыхала Богородица плачь и рыданіе и стала просить Христа за грѣшниковъ:—Сынъ Мой единственный, дозвожь Мнѣ столько еще душъ освободить, сколько укроется подъ Моей одеждой.

Не захотѣлъ Спаситель Матери отказать, внялъ Ея моленію, и Она, Заступница, сняла Свой поясъ, развернула его надъ плачущими грѣшниками и вывела ихъ всѣхъ, какіе въ аду были, къ архангелу Михаилу. И повелъ ихъ архангелъ вмѣстѣ съ праведными въ рай пресвѣтлый.

А грѣшники все не переводятся. Видитъ грѣхи ихъ Пречистая и скорбитъ и, чѣмъ больше грѣшатъ люди—тѣмъ больше трудится Богородица.

Въ самомъ концѣ райскихъ садовъ, какъ разъ на краю свѣта, гдѣ небо съ землей сходится, есть у Божьей Матери

убранная травами и цвѣтами горенка. Въ этой горенкѣ Свѣтъ-Богородица пряжу прядетъ, льняной поясъ ткеть:

Въ райской странѣ есть у Богородицы поля, льномъ за-сѣянные. По этимъ полямъ самъ Господь Христосъ водить плугъ золотой, слѣдомъ за нимъ идетъ Божья Матерь—зерна разсыпаетъ.

Зацвѣтутъ поля голубымъ цвѣтомъ—обойдетъ ихъ Пречистая, радостными очами ихъ оглядитъ, гдѣ стебелекъ погнулся—остановится, подниметъ и дальше пойдетъ.

— Солнце Мое ясное, звѣзды Мои свѣтлыя, небо чистое, стойте вы тихо надъ полями Моими желтыми, стойте кротко, смиренно.

Поспѣетъ ленъ и налетятъ на поля ангелы, и дѣти сбѣгутся. Много дѣтей въ райскихъ садахъ. Когда на землѣ умираетъ дитя малое, ангелы его прямо въ рай къ Божьей Матери несутъ. Кормить ихъ Пречистая земляницей да яблоками. Цѣлый день играютъ и поютъ они съ ангелами, а поспѣетъ ленъ—вмѣстѣ съ ангелами за работу примутся. Станутъ они ленъ изъ земли таскать, на небесныхъ горахъ сушить его раскладываютъ. Высохнетъ ленъ—колотушки въ руки и ленъ колотить, а какъ отлетятъ всѣ головки, оставшіяся льниночки на лугахъ райскихъ тонкимъ пластикомъ бѣлить разложить. Потомъ опять сушить примутся, а тамъ трепать да чесать. Бываетъ такъ, что очески отъ этого льна вѣтеръ осенью до земли доносить, и тамъ они паутинками по кустарникамъ, вѣточкамъ, травамъ да цвѣтамъ цѣпляются. Отчесали ленъ, пучечками навязали, уложили въ корзиночки и понесли на конецъ рая въ горенку, цвѣтами да зеленью убранную. Несутъ, торопятся, радуются. А въ горенкѣ Божья Матерь уже съ веретенемъ дожидается.

Взглянетъ Она на ленъ бѣлый, точно шелкъ мягкій да

блестящій, на дѣтей взглянетъ и радостно—свѣтло улыбнется Пречистая. Заторопятся дѣти, станутъ кудель готовить. Таскаютъ изъ корзины льняные моточки, встряхиваютъ ихъ, по полу волокнами разстилаютъ, въ кудель сворачиваютъ. Кто первый поспѣетъ, тотъ первый Богородицѣ подаетъ мотокъ,—и зажужжить веретено.

Въ осенніе дни тихіе безвѣтренные, когда не видать уже мухъ, жуковъ да пчель, если прислушаться хорошенько, слышно станеть, какъ гдѣ-то далеко-далеко жужжить что-то. Это въ райской горенкѣ Свѣтъ Богородица пряжу прядеть, а зачѣмъ Она эту пряжу прядеть, про то на землѣ не всѣ знаютъ.

А еще бываетъ, что люди и осенью поздней, и по зимамъ, на утренней да на вечерней зарѣ, слышать въ тишинѣ, какъ гдѣ-то далеко-далеко что-то хлопаеть да стучить.

Это Свѣтъ Богородица ткать сѣла, это у Нея на билокъ хлопаеть, челнокъ скачетъ. Поясъ изъ нитокъ льняныхъ ткеть Богородица. Давно Она за эту работу принялась, съ самаго Вознесенья. И поясъ тотъ не простой, весь узорчатый, весь разными листьями, цвѣтами да травами изукрашень. Есть на поясѣ этомъ и цвѣты райскіе, людямъ невѣдомые, есть и земные цвѣты. Есть лиліи, точно свѣчи восковыя бѣлыя, есть незабудки, точно глаза дѣтскіе голубые, есть и левкой, и Иванъ да Марья, и синій василекъ, и гвоздика, и черевички, и розы, и кувшинка желтая, и кувшинка бѣлая, ирисы, златоцвѣты, маргаритки... Всѣхъ цвѣтовъ, какіе на поясъ есть, и не пересчитать. И травъ всякихъ много. Есть и плакунъ-трава, та самая, что зародилась отъ пречистыхъ слезъ Богородицы, когда Сына Ея вели на распятіе, и Божье дерево, и мята, и разрывъ-трава, и дягиль, и одолень-трава, та, что открываетъ всѣ пути-дороженьки и въ зеленыхъ лу-

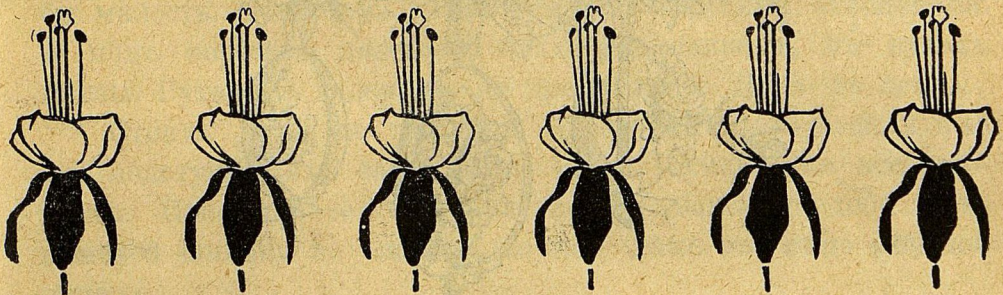
гахъ, и въ дальнихъ лѣсахъ, съ которой не страшны ни горы высокія, ни доли низкіе, ни озера синія, ни берега крутые, ни лѣса темные.

Всѣ эти цвѣты да травы собрали по райскимъ садамъ и по всей землѣ дѣти да ангелы.

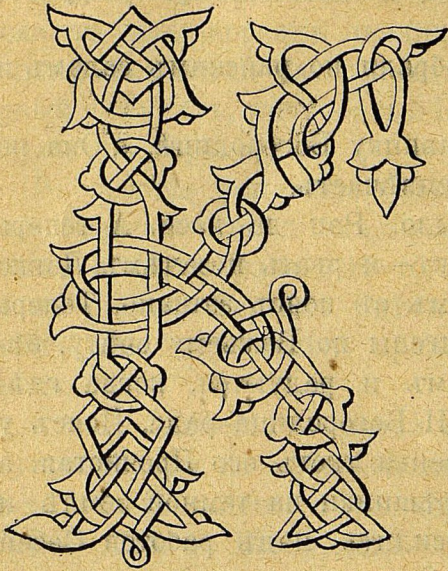
Принесутъ цвѣтокъ или травинку Богородицѣ, а Она по нимъ новымъ узоромъ поясъ расцвѣчаетъ.

Сначала собирать легко было. Рви да носи. А теперь глянуть на цвѣтокъ или травинку—и рвать незачѣмъ. Давно уже все, что примѣтнѣй, узоромъ въ поясъ заткано. Теперь искать приходится. Летаютъ ангелы по Божьему свѣту, бѣгаютъ дѣти по райскимъ садамъ и радуются, когда гдѣ-нибудь хоть былинку найдутъ. И Богородица рада. Поясъ у нея длинный, съ самаго Вознесенья ткеть его Пречистая, а Ей все мало. Все прибываютъ грѣшники на темной землѣ, и до самаго страшнаго суда просидить надъ работой Своей Свѣтъ-Богородица, хочетъ наша Заступница въ судный день страшный молить Сына Своего дозволить Ей развернуть надъ грѣшными душами поясъ, въ горенкѣ райскихъ садовъ вытканый.

Н. Манаскина.

Христова дочка.

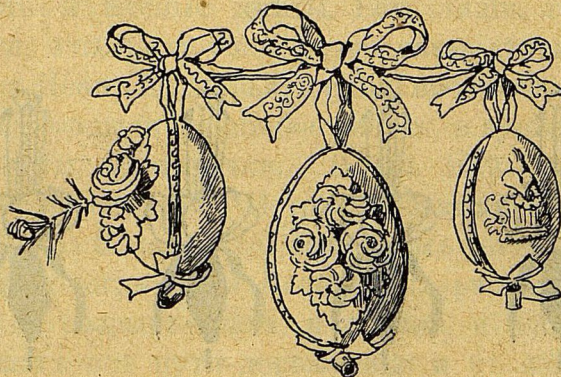
АКЪ весной я сиротиночку да
въ полѣ повстрѣчалъ,
А въ рученкахъ узелочекъ хоть
маленекъ былъ, да аль.

„Ты куда же, сиротинушка,
торопишься, идешь?“
Да и что же припасеное въ
узлѣ своемъ несешь?

„А иду я, свѣтъ-прохожій,
на родимыя мѣста,
Гдѣ родитель мой да матеръ, а
надъ ними два креста.

А несу я разговѣнье—коли хочется, взгляни,
Чтобъ Христова Воскресенье помянули и они.“

Сергѣй Городецкій.

О в с я н к и.

I.

ВАБРЫ половыя! Шва-а-абры!

Хорошо затынула Дуня, да ничего не вышло. А у себя въ деревнѣ она первой хороводницей считалась. Правда, тамъ она процвѣтики лазоревые, про алую зореньку да про бѣлую березыньку все больше пѣвала. Про швабры пѣть не приходилось. Съ непривычки оно и не вышло. Сорвался голосъ. Дуня застыдилась, бросилась бѣгомъ со двора. Не замѣтила, что кухарка въ форточку высунулась позвать швабры. Подъ воротами Дуня на дворника налетѣла.

— Покричи у меня! Вонъ пошла!

Выскочила Дуня на улицу, а тамъ шумъ, грохотъ и народу, народу! И туда, и сюда, и идутъ, и ѣдутъ. Дома высокие, трубами небо подпираютъ, всеми окошками на Дуню такъ и уставились. Въ щель бы какую забиться, отдышаться бы малость. Куда тамъ! Развѣ между камнями втиснешься. А подъ воротами дяленьки: бляхи на шапкахъ, въ рукахъ метлы. Ругаются дяленьки, не пропускаютъ Дуню во дворъ.

Стоитъ Дуня на тротуарѣ со своими швабрами. Глаза отъ подступившихъ слезъ точно черезъ туманъ на все смотрятъ. Прохожіе ее толкаютъ, а она барынѣ одной чуть шваброй шляпку не сшибла, барину тоже въ лицо мочалой попала.

— И чего стала? Мѣсто тебѣ тутъ стоять? Проходи! По панелямъ со швабрами не ходять.

Это ужъ другой дяденька гонить. И у него бляха на шапкѣ, пуговицы золотыя, на плечахъ красныя нашивки, черезъ плечо сабля.

Махнула отъ него Дуня черезъ улицу и чуть подъ лошадей не попала. Хорошо, что дяденька ее во время поймалъ за плечо. Много чего онъ Дунѣ наговорилъ. И бранилъ, и училъ, а только она совсѣмъ мало что поняла. Шумно было на улицѣ, и въ ушахъ у нея шумѣло.

Долго Дуня къ городу привыкала. Путалась въ улицахъ. Первые дни каждый разъ, какъ приходило время возвращаться домой, ей казалось, что дома этого она ни за что не найдетъ.

А разъ вернулась—вся трясется. Запуталась, запоздала— сумерки ее и захватили. Стали улицы пропадать въ сѣромъ туманѣ, на высокихъ столбахъ шары большущіе зашипѣли и загорѣлись, засвѣтились окошки, звѣздочки надъ красными машинами, которыя по улицамъ бѣгаютъ, разными огоньками вспыхнули. А Божьяго небушка, да Божьихъ звѣздочекъ надъ головой не видать. Народъ, точно днемъ, все бѣгаетъ. Свистить, шипить, звонить кругомъ, а что свистить, шипить да звонить—разобрать мудрено.

— Дѣдинька, здѣсь и ночью, какъ днемъ. Нѣтъ угомона людямъ,—съ тоской говоритъ Дуня.

„Дѣдинька“ ей совсѣмъ не дѣдушка, просто старикъ, у котораго она живетъ. Дѣдинька мастерить швабры, Дуня ихъ продаетъ.

Вечеромъ дѣдинька всегда дожидается Дуню съ ужиномъ. Ужинаютъ хорошо. студень ѣдятъ, а въ постные дни селедку, а когда и чаю съ ситникомъ напьются. Въ деревнѣ такъ хорошо ѣсть не приходилось. Тамъ и чорнаго хлѣба не

всегда хватало. Сытно въ городѣ, а только и скучно же. Старикъ все съ мочалками возится. Въ комнатухѣ пыль отъ мочалы такъ и стоитъ. Самая мусорная работа эти швабры. А теперь въ деревнѣ бабы да дѣвки пряжу прядутъ. Жужжать веретена по избамъ, набилокъ хлопають, челнокъ на краснахъ фыркають. На супрядки по избамъ собираются, работаютъ, пѣсни поютъ, сказки сказываютъ. А домой пойдутъ, морозъ такъ и прохватываетъ. Снѣгъ подъ ногами хруститъ, да чистый такой. Кругомъ поля бѣлыя. Надъ головой по небу широкому звѣзды золотыя.

Вспомнится все это Дунѣ, и долго не можетъ она заснуть, все ворочается. Ноютъ ноги отъ непривычной ходьбы по мощенымъ улицамъ. Только подъ утро задремлетъ Дуня. Проснется, а отъ дѣдиньки двѣ торговки, которыя у него швабры берутъ для продажи, уже уходятъ.

— Ай, проспала я, родные! Пѣтуховъ не слыхала!

Выдумала тоже! Какіе въ городѣ пѣтухи!

Развеселила всѣхъ Дуня. Такъ со смѣхомъ и пошли бабы.

Часто дѣдинька смѣялся надъ Дуней. Посмѣется, а потомъ и говорить:

— Погоди, дѣвонька, обойдешься. Городъ вымучить, онъ же и выучить. Въ деревню и не захочешь больше.

— Да мнѣ-то съ поль-горя, дѣдинька. Не малешенькая я, пятнадцать на Евдокію плющуху 1-го марта исполнится. За Васятку сердце болить. Какъ-то онъ тамъ.

Васятка, Дунинъ братишка, жилъ у полотера. Дуня съ Васяткой были круглые сироты. Отецъ умеръ три года тому назадъ. Мать этимъ лѣтомъ померла. Пришла къ нимъ жить въ избу одна старушка - бобылка, а дяденька, братъ матери, помогъ съ хлѣбомъ убраться. Только убирать-то почти нечего было. Годъ выдался совсѣмъ неурожайный. А у самого

ляденьки дѣти махонькіе, достатки тоже дѣтямъ подѣлить. Вотъ думалъ, думалъ дяденька, да и порѣшилъ Дуню съ Васяткой отправить въ Питеръ. Тамъ у него знакомство было. Полотеръ одинъ Васятку къ себѣ бралъ, а Дуню звалъ старичекъ, который швабрами занимался.

— Зиму такъ и прокормитесь. Все лучше, чѣмъ съ голоду пропадать. Къ веснѣ назадъ прїѣзжайте. Вы мнѣ помогать станете, я вамъ,—такъ съ землей и управимся. Не вернетесь—я вашу землю обществу сдамъ. Обѣщалъ я міру васъ, сиротъ, поднять, землю вашу на себя взялъ, а только одному мнѣ не справиться. Такъ и знайте. Не вернетесь весной, тогда въ городѣ ужъ совсѣмъ и живите.

— Какъ весна, такъ мы и назадъ, родненькій. И теперь смерть не охота изъ родныхъ мѣстъ уѣзжать, жаль избушечку, могилушекъ родныхъ жаль.

И Васяткѣ не хотѣлось уѣзжать, а только все же не такъ, какъ Дунѣ. Мальчикъ онъ былъ веселый. Всякое горе у него скоро проходило. Да и годовъ ему было немного. Десять лѣтъ всего. Уже на машинѣ ему многое что понравилось. Народъ кругомъ. Весело. У одного парня, который на фабрику ѣхалъ, даже гармоника съ собой была. И угощали ихъ всѣ. Наѣлся Васятка, точно въ самый большой праздникъ. И бѣлый и полубѣлый жевалъ, яйцами закусывалъ. Хорошо доѣхалъ до Питера.

И въ Питерѣ ему не такъ, чтобы очень плохо было. Каждый праздникъ онъ приходилъ къ Дунѣ въ гости. Дѣдинька ходилъ къ обѣднѣ, а потомъ все больше лежалъ, отдыхалъ. Васютку онъ узнавалъ по запаху.

— А, полотерный духъ пошелъ. Здорово, плясунъ!

Васятка приходилъ часто совсѣмъ закоченѣвшій. Итти было далеко, пальто у него вѣтромъ подбитое и безъ ворот-

ника, а рукава короткіе. Дуня его прямо къ печкѣ усаживала. Отогрѣется Васятка, и по всей комнатухѣ запахнетъ мастикой и воскомъ.

Тогда поднимался дѣдинька, и втроемъ садились они обѣдать.

Васятка уплеталъ за обѣ щеки. Наѣтся и залъется, какъ жаворонокъ въ поляхъ. И съ лица онъ походилъ на жаворонка, что въ булочныхъ пекутъ: голова маленькая, точно прямо безъ шеи къ плечамъ приставлена, носъ кверху, глаза, будто изъ коринки, а волосы прямые, желтые, ну совсѣмъ, какъ мочала, которую дѣдинька насаживалъ на палки.

Любилъ Васятка рассказывать про то, что работа полотерная не тяжелая, а ужъ мудреная! Такая работа мудреная, что не всякая голова ее и понять можетъ. Много такихъ, какъ онъ мальчишекъ хозяинъ повыгонялъ. Не понимаютъ ничего— и кончено. Въ полотерахъ и ходить надо умѣючи. Все на цыпочкахъ. А пуще всего не зѣвать. Полъ, какъ натрутъ, станетъ, что ледъ скользкій, того и гляди растянешься. А у господъ въ комнатахъ всякаго добра понаставлено. Баць и готово! Все полетѣло.

— Попадаетъ тебѣ, поди, Васятка?—опасливо спрашиваетъ Дуня.

— Всяко, конечно, бываетъ, — уклончиво говоритъ Васятка.— Не все сразу поймешь... Случается...

— Чего тамъ и понимать. Знай пляши и работа вся, — вмѣшивается въ разговоръ дѣдинька.

Я, дѣдинька, пока только полъ подметаю, по уголочкамъ гдѣ натираю. Сразу, безъ привычки, на середину насъ не выпускаютъ.

Васятка говоритъ да не все. Попробовалъ онъ разъ, когда въ комнатѣ никого не было, какъ настоящій полотеръ по-

плясать. Руку за спину засунулъ, другую на отмашь пустилъ, голову, какъ бодливый козель, выпятилъ. Только разошелся и вдругъ—бацъ, да головой-то прямо въ полочку съ разными фигурками. Стукъ, звонъ, изъ глазъ искры посыпались. Дѣвушка прибѣжала и руками всплеснула: лежитъ на полу собачка, а у нея и голова, и хвостикъ—все, какъ есть, отдѣльно. Хотѣла дѣвушка хозяина крикнуть да взглянула на Васятку и ротъ закрыла. Стоитъ мальчишка бѣлый, губы синія. Трясетя даже. Вытащила дѣвушка, Леной ее звать, изъ кармана жестяночку, помазала изъ нея хвостикъ, головку намазала, все одно къ другому приставила и стала собачка, какъ цѣлая. Васятка даже ротъ открылъ отъ удивленія и восторга. Бываютъ же такія чудесницы! А дѣвушка Лена еще больше Васятку удивить захотѣла. Сама ему призналась, что на полочкѣ, почитай, всѣ фигурки посклеены. Разобьетъ и подклеить. Ахъ, кабы Васяткѣ да такой клей, какъ у Лены, ничего бы онъ тогда не боялся: бей да клей и живи не тужи.

II.

Къ Рождеству Дуня въ городѣ обтерпѣлась. Научилась, какъ обходиться съ дяденьками дворниками. Заведетъ такъ жалостно и „родненькій“, и „миленькій“, и „пропусти“, и „пожалѣй“, что дворникъ только рукой махнетъ: проходи, значить, неотвязная. Тесерь у нея и мѣста были. Была и знакомая кухарка, которая ее всегда кофеемъ поила. Передъ праздникомъ Дуня хорошо торговала. Дѣдинька ее хвалилъ и обѣщался послѣ праздниковъ положить ей копейку съ двухъ паръ проданныхъ швабръ.

Обрадовалась Дуня: „Вотъ на машину и накоплю.“ А только дѣдинька ей на это ничего не отвѣтилъ. Точно и не

слыхалъ. Съ Дуней ему было хорошо. Дѣвочка хозяйственная, тихая. И торговала бойко, и въ квартирѣ у дѣдишки все теперь чисто да прибрано. Старикъ даже меньше сталъ кашлять. Пыли съ Дуней убавилось.

Рождество тихо прошло. Вспомнила Дуня, какъ у нихъ въ Гречуляхъ на ледянкахъ катаются, какъ въ гости къ роднымъ да по крестнымъ ходятъ. Сходили бы и они съ Васяткой къ дяденькѣ. Васятка тоже скулить попробовалъ. Ну, а потомъ ничего, обошлось. Васятка въ праздничные дни такъ и не уходилъ отъ Дуни. Ночевалъ у ней. Передъ праздникомъ онъ здорово наплясался. Ноги, какъ чужія сдѣлались.

Ш.

Зима къ концу подходила.

Вышла разъ Дуня, какъ всегда, со швабрами и вдругъ ей все не такимъ, какъ прежде показалось. Улицы знакомой она не признала. Дома черезъ дорогу, точно ихъ заново покрасили или отмыли, окошки блестятъ, вывѣски блестятъ, люди другими стали, веселые такіе. Это солнышко выглянуло. Давно его не видали, ну и обрадовались. И Дуня обрадовалась. Бросилась на ту сторону, гдѣ солнышко. а у самой панели передъ мелочной лавочкой у нея изъ подъ ногъ птицы взвились. Сѣренькія птички, точно воробышки, а точно и не воробышки, точно грудка у нихъ чуть бѣлѣла. Господи, да неужто овсянки?

Не успѣла Дуня птицъ разсмотрѣть. Мелькнули и пропали на солнышкѣ.

Овсянки или воробышки, кто ихъ разбереть. А только, если овсянки, тогда значить и весна подошла. А сорокъ мучениковъ-то когда? Неужто, уже прошли сорокъ мучениковъ?

Въ Гречуляхъ Дуня все сразу бы узнала. Узнала бы по капѣли, по снѣгу, по небу, по облакамъ. А здѣсь, какъ узнаешь? Камень, земли нигдѣ не видать, небо съ полосыньку.

— Тетенька, сорокъ мучениковъ, это когда будетъ?—спросила Дуня знакомую кухарку.

— Экъ хватилась! Теперь по нашему, деревенскому, уже къ Алексѣю человѣку Божьему—съ горъ потоки—подходить, а она—сорокъ мучениковъ! Марта девятое давно прошло.

Пропустила, значить! И сорокъ мучениковъ, и Евдокію плющиху, когда Дуня именинница—все она пропустила.

Только бы ей весны теперь не пропустить.

— Дѣдинька, дѣдинька! Я овсянокъ, родной, видала.

— Глупая, нешто въ городу овсянки бываютъ?

— А я видала. На солнышкѣ взвились—полетѣли.

Ну это отъ солнышка тебѣ и привидилось. Воробья за овсянку сосчитала. Въ солнышко все сойдетъ.

Можетъ и правда то воробьи были? А только воробьи или овсянки, а весна пришла. Ее матушку съ Алексѣя Божьего человѣка, какъ побѣгутъ съ горъ потоки, ужъ ничѣмъ не удержишь. Тогда и овсянка свое запоетъ. У нея только и пѣсенъ, что: „покинь сани, возьми возъ!“

А дѣдъ ворчить:

— Далекое еще до весны.

— Какъ же далеко? Я, дѣдинька, и въ деревню ужъ скоро.

— Ну, тамъ видно будетъ.

Сказалъ, какъ отрѣзалъ. Ничего Дуня ему не отвѣтила, только пристально такъ на старика поглядѣла. А онъ ничего, новую вязочку изъ мочалы крутить.

IV.

Обрадовался Васятка, когда услыхалъ отъ Дуни, что скоро въ деревню поѣдутъ. Надоѣло ему въ полотерахъ. Ноги болятъ, ночью мальчишка, съ которымъ они на одномъ войлокѣ спятъ, вытянуться не даетъ. Ногамъ отъ этого еще хуже. И за волосья хозяинъ больно часто таскаетъ. За всякую малость. И ситникъ, и чай поперекъ горла становятся.

— Потерпи малость, постъ отживемъ. Денегъ у меня еще на машину не хватаетъ. Подкоплю, тамъ и уѣдемъ.

Считаетъ теперь Дуня дни по деревенски. Все боится пропустить, когда пахать надо.

Вотъ Алексѣй Божій человекъ — съ горъ потоки — пришелъ. Снѣга и сугробы пригрѣло солнышко, вода въ низины пошла. Бѣжить вода ручьями большими да малыми, журчитъ вездѣ, булькаетъ.

Бабы новый холстъ бѣлятъ. Выйдутъ утренникомъ на пригорочекъ и разстелятъ: „Вотъ тебѣ, матушка весна, и новина моя“.

И Дуня такъ-то бѣлила. Стояла на пригорочкѣ, смотрѣла на поля еще снѣжныя, только снѣгъ на нихъ уже чуть держался, тонкимъ пластышкомъ лежалъ. Земля подъ нимъ чернѣлась. Скоро потомъ съ дяденькой они и пахать вышли. Дяденька плугъ вель, она сзади, между глубокими бороздами сырой земли, комыя колотушкой разбивала. И далеко, далеко кругомъ чернѣла земля, весенними водами напоенная, солнцемъ пригрѣтая. И полосы ярко-зеленыхъ озимей среди ея черноты зеленѣли еще ярче. А вдали, въ дымкѣ, стоялъ еще нераспущенный лѣсъ.

Думаетъ Дуня свои деревенскія думки, а привычныя ноги ее въ ворота несутъ. Пахнуло подвальнымъ холодомъ, тѣснотой, темнотой сразу сдавило.

— Швабры половыя! Шва-а-бры!

Голосъ точно не ея. Точно за горло схватило, душить. Лѣстница—ступенекъ не сосчитать, чѣмъ выше, тѣмъ грязнѣе, темнѣе. Ёдкій кухонный чадъ ѣсть глаза, горло щиплетъ. Въ кухняхъ народъ все чужой, заботы у него не Дунины. Поговорила бы съ кѣмъ изъ своихъ. Къ родителямъ на могилки сходила бы. Стосковалось по роднымъ могилкамъ Дунино сердце. Скорѣй бы!

Давно до точности разузнала Дуня сколько и денегъ на машину надобно, и садиться гдѣ и когда, въ которомъ часу.

Вотъ только съ деньгами бы поскорѣй собраться, а тамъ уже просто.

А вышло и совѣмъ не просто.

Дѣдинька, когда разговоръ на чистоту пошелъ, такъ прямо и сказалъ, что Дуню раньше лѣта ни за что не отпустить.

— Зиму кормилъ, а теперь: „прощай, дѣдинька“. У меня весной самая торговля.

Пробовала Дуня и лаской. Просила, просила, даже заплакала.

— Не могу я здѣсь. Тошнехонько мнѣ.

А дѣдинька все свое: — Не пущу. — И сказалъ онъ это такъ, что у Дуни всѣ слезы сразу высохли. Поняла, значитъ, что со старикомъ ничего не подѣлаешь.

Съ этого дня Дуню точно подмѣнили. Точно подъ тучей она заходила. Лицо строгое, на дѣдиньку не глядитъ и ни о чемъ его больше не спрашиваетъ.

И съ Васяткой у хозяина тоже на ладъ не пошло. У того даже много хуже вышло. Хозяинъ, безъ всякихъ разговоровъ, оттаскалъ мальчишку за вихры, чтобы, значитъ, сразу понять и больше не докучаль.

Пришелъ Васятка къ Дунѣ въ воскресенье. Не веселый такой пришелъ. Дѣдинька еще отъ обѣдни не возвращался.

— Не попасть намъ, Дунюшка, домой.

Молчить Дуня, только лицо еще строже стало, думаетъ. Подумала, а потомъ такое слово Васяткѣ сказала, что его сразу всего въ жаръ бросило:

— Убѣжимъ!

Вотъ какое слово Дуня сказала. Отъ этого слова у Васятки, что и было въ головѣ, все сразу выскочило. А Дуня все толкуетъ, какъ и что. Васятка глаза вытаращилъ, рѣсницами бѣлыми замигалъ, ротъ раскрылъ. И вдругъ, какъ уткнется головой Дунѣ въ платье, да зареветъ:

— Ой, боюсь, Дунюшка! Боюсь.

Видитъ Дуня, что совсѣмъ слабый мальчишка. Провела рукой по Васяткиной головѣ и говоритъ:

— Слушай, Васятка, одно только ты крѣпко на-крѣпко помни. Въ страстную пятницу, какъ только проснешься, бѣги со всѣхъ ногъ къ нашимъ воротамъ, стань, какъ тумба, подъ фонаремъ, тумбой такъ и стой, пока я не выйду. Запомнилъ?

Васятка головой мотнулъ и сразу повеселѣлъ. Характеръ у него легкій былъ, отходчивый. А Дуню онъ привыкъ почитать вмѣсто матери. Какъ, значить, рѣшила, такъ тому и быть.

V.

На станціи передъ вагонами третьяго класса толпа. Все больше рабочій людъ. Торопятся попасть домой къ празднику. Страстная пятница подошла. Всюду котомки, узелки, узлы, громяхаютъ жестяные чайники. Толкаются люди, давятъ другъ друга, спѣшатъ мѣста, занимать.

У одного изъ вагоновъ и Дуня съ Васяткой. Васятка

весь въ пальто ушелъ, съежился, боится—вдругъ схватятъ. Дуня платокъ на самый лобъ сдвинула, братишку за руку крѣпко держитъ. Какъ бы кто не приглядѣлся. Какъ бы Васятку не отобрали. А только никто на нихъ и не смотритъ. Парочка не примѣтная. Точно овсянки. Прилетятъ, когда сорокъ птицъ прилетаютъ. Въ стаѣ и не разобрать. Улетятъ—тоже никому не замѣтно.

Толкаютъ Дуню и Васятку, и Дуня толкается, а Васятка, какъ тумба: крѣпко Дунинъ приказъ запомнилъ. Едва она его и въ вагонъ втащила.

Въ вагонѣ ни людямъ, ни вещамъ мѣсть не хватаетъ. Хорошо, что у Дуни съ Васяткой одинъ узелокъ. Въ Питерѣ ничего, какъ есть, не нажили.

Дрогнулъ поѣздъ. Загремѣли желѣзные скрѣпы. Толчекъ, всѣхъ качнуло, вещи какія то на полъ съ полки слетѣли. Свѣтлѣетъ въ вагонѣ. Совсѣмъ свѣтло стало. Крестятся люди. На свѣту всѣ при мѣстахъ оказались. Выскочилъ поѣздъ изъ подъ каменнаго навѣса и полетѣлъ на просторъ къ полямъ и лѣсамъ.

Вздохнула Дуня. Перекрестилась. Уѣхали!

Васятка заглянулъ ей въ лицо и сразу понялъ, что бояться больше нечего, что теперь все хорошо будетъ. Повернулъ голову къ окошку, ближе придвинулся, а тамъ и совсѣмъ носъ объ стекло расплюснулъ. Смотрѣлъ, смотрѣлъ, да вдругъ какъ закричить на весь вагонъ:

— Трава, Дунюшка, трава!

Тутъ всѣ въ вагонѣ и узнали, что ѣдутъ Дуня съ Васяткой. Разговорился мальчикъ, а какъ разговорился, такъ рта цѣлый день и не закрывалъ. То говорилъ, то жевалъ. Дяденьки и тетеньки, особенно, какъ узнали про то, что сироты ѣдутъ, со всѣхъ сторонъ совали. Дуня мало принимала,

благодарила, отказывалась. Устала она. Да и дѣдиньку жалѣла. За всю хлѣбъ-соль подѣ свѣтлый праздникъ его одного бросила. Ну, да ничего не подѣлаешь. Земля дожидаться не станетъ.

На другой день раннимъ утромъ высадились они на одной изъ станцій за Тверью.

Свѣжій, чуть морозный воздухъ сразу съ нихъ всю вагонную духоту сдулъ и пошли Дуня съ Васяткой сначала по шоссе, потомъ по проселочной дорогѣ, едва ноги вытаскивая изъ непролазной грязи. А съ неба имъ апрѣльское солнцѣ улыбалось, и во все стороны разстилались поля и тоже улыбались всеми блестящими на солнцѣ озерами и лужами отъ весенней воды.

Усталъ Васятка. Ноги не идутъ больше. Какъ разъ въ самое время нагналъ ихъ мужикъ въ телѣгѣ. Подвезъ. Потомъ они опять пошли, потомъ ихъ опять подвезли. Такъ и добрались къ вечеру до Гречулей. Издали ихъ Дуня съ Васяткой признали. Стоять избушки, точно пенечки, соломенными крышами, какъ шапками, понакрытыя. Закатное солнце въ окошки ударило, золотомъ багрянымъ ихъ расцвѣтило. Ни души на улицѣ. Отдыхаетъ народъ передъ заутреней.

Ужъ не идутъ Дуня съ Васяткой, бѣгомъ бѣгутъ. Едва ноги волокли, а какъ свою избушку завидѣли, припустились. И откуда силы взялись, такъ бѣгомъ и побѣжали.

Толкнулись въ калитку, изъ калитки въ сѣнцы. Дверь распахнули.

Увидѣла ихъ бабушка-бобылка, ахнула, чуть съ лавки не свалилась:

— Ахти мнѣ, не во снѣ ли видится? Да откуда же вы, болѣзные? Я и печь не топила, и пасхи не ставила. Чѣмъ разговляться то будемъ?

Не успѣли Дуня съ Васяткой и ртавъ раскрыть, дверь брякнула. Сосѣдка съ пасхой идетъ. Бабушкѣ розговѣнье принесла. Увидѣла брата съ сестрой, чуть пасху изъ рукъ не выронила. А черезъ часъ уже вся деревня узнала, что питерскіе Дуня съ Васяткой вернулись. Налетѣли къ нимъ въ избу Дунины подружки, товарищи къ Васяткѣ прибѣжали. Всякому хотѣлось поглядѣть, какіе-такіе они въ Питерѣ стали, спросить, какихъ обновъ привезли. А только смотрѣть совсѣмъ нечего было. Какъ уѣхали, такъ и назадъ пріѣхали Дуня съ Васяткой. Оба — деревня деревней. У Васятки за дорогу даже сапоги развалились, сразу пришлось лапотки подвязать. У Дуни юбочка вся смылась: посѣрѣло на ней все отъ погоды, да отъ стирки, а новаго ничего нѣтъ. Ну и питерскіе!

Боялся Васятка, что на заутрени его совсѣмъ засмѣютъ. На заутреню ужъ всякій деревенскій и тотъ сапоги припасааетъ, не то что питерскій. Хотѣлъ Васятка хоть для красы сапоги обуть. Ничего, что безъ подошвы.

Тутъ ужъ его Дуня на смѣхъ подняла:

— Смотри, Васятка, какъ бы въ самородныхъ лаптяхъ при твоихъ сапогахъ не остаться. Боеикомъ за крестнымъ ходомъ бѣжать придется.

Смѣется, шутить Дуня. Помылась ключевой водой, кое-что на себѣ почистила, кое-что позашила. На ноги лапотки подвязала. Сапоги у нея хоть и выдержали, а только въ лапоткахъ ей ногамъ легче. Натрудила она ихъ въ городѣ и за дорогу.

Темнѣло, какъ они въ церковь пошли. Дуня сосѣдкину пасху, завязанную въ чистомъ ручникѣ, несла. И шли они полями своими да чужими до церкви въ сосѣднемъ селѣ. Итти не грязно было. Морозило. И не темно. Заря отсвѣчала.

А Васятка шелъ и нѣтъ—нѣтъ да о сапогахъ вздыхаль.

А какъ пришелъ въ церковь, не только про сапоги, а и про то, что въ Питеръ ѣздилъ, сразу позабылъ. Да и никто о томъ, что онъ питерскій и не вспомнилъ. Не до того было. Лазали мальчики на колокольню, въ колоколъ звонили, потомъ въ клѣтки дрова вокругъ церкви клали, потому, какъ крестнымъ ходомъ пошли, они костры поджигали, потому безъ костровъ нельзя: Самъ Спаситель въ послѣднюю ночь мимо костровъ проходилъ. А Дуня, закрывая отъ вѣтра пламя свѣчи, ходила съ народомъ вокругъ церкви. И когда оглянулася въ сторону погоста, гдѣ были родныя могилки, изъ-за костра, сквозь разлетавшіяся искры, мелькнуло ей Васяткино лицо.

Заря занималась, птицы перекликались, когда дѣти домой пришли. Васятка ужъ любилъ жевать, а съ послѣднимъ кускомъ пасхи такъ и не справился. Свалился и заснулъ. Вотъ какъ усталъ.

А Дуня еще побѣжала съ дѣвчонками смотрѣть, какъ солнце играетъ. Въ самый день, когда Христось воскресъ, оно, какъ выкатилось, такъ цѣлыхъ семь дней отъ радости закатиться не могло и теперь каждую Пасху играетъ. Выбѣжали ребятишки, которые постарше въ поле, а изъ подъ розовой зари солнышко уже и выкатилось и заиграло разными цвѣтами. Христось Воскресъ!

А днемъ въ первый день Дуня съ Васяткой въ гости къ дяденькѣ пошли.

У дяденьки въ избѣ полъ съ пескомъ вымытъ, новая дорожка положена, у кровати занавѣска красная съ желтыми цвѣтами навѣшана. На столѣ пасхи, яйца и лукомъ, и сандаломъ, и вѣникомъ зеленымъ крашеныя.

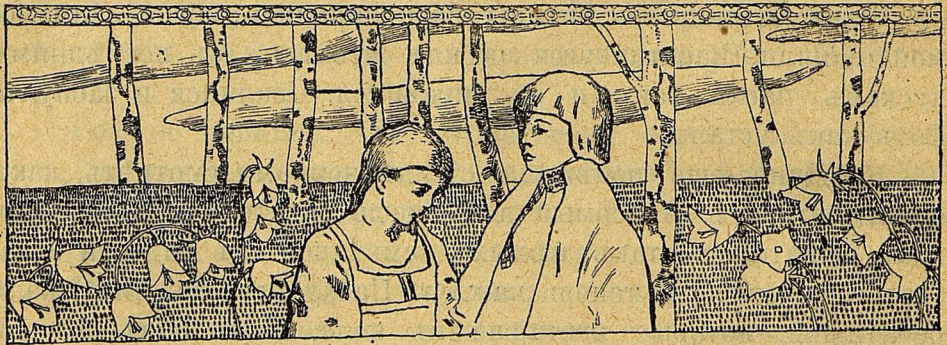
— Вотъ Святая пройдетъ, и примемся мы, Дуня, съ тобой за работу, а Васятку я въ пастухи опредѣлилъ. Тридцать рублей въ лѣто. Хочешь, Васятка, въ пастухи?

А Васятка уже прошлымъ лѣтомъ все думаль, какъ бы ему въ пастухи попасть. Чего лучше!

Заговорился дяденька съ Дуней о хозяйственномъ, а Васятка со старой криночки у тетеньки берестяной лубокъ уже выпросиль, въ рожокъ свернулъ, тростинку вставиль и готово дѣло, заигралъ:

Пастушокъ мой, пастушокъ,
Берестяный твой рожокъ.
На зарѣ рожокъ играетъ,
Стадо въ поле созываетъ:
Ой, пою, пою--зову
На зеленую траву.

Н. Манаскина.

СВѢТЛЫЙ ДЕНЬ.

ПРАЗДНИКЪ. Я бродиль сегодня:

Свѣтъ, просторъ и лѣсъ вдали.
Вешній звонъ, какъ вѣсть Господня,
Плыль съ небесъ и до земли.
И когда, душою свѣтель,
Крикнулъ я: „Христось воскресь!“
Отголосокъ мнѣ отвѣтилъ
Ясно, радостно: „Воскресъ!“

Allegro.

Комета Галлея.

КЪ солнцу летитъ рѣдкая гостья на нашемъ небѣ — комета Галлея, и всѣ вспомнили того, кто первый изучилъ ее, а именно — Эдмунда Галлея.

Онъ былъ сынъ мыловара и съ дѣтства удивлялъ всѣхъ своей любознательностью ко всему, что касалось неба и небесныхъ явленій. Какъ только смеркалось, онъ оставлялъ товарищей и игры, садился на открытомъ мѣстѣ и цѣлыми часами не сводилъ глазъ со звѣздъ, забывая и сонъ и ѣду. Первый подарокъ, который онъ попросилъ у отца, была астрономическая труба.

Онъ получилъ ее. Послѣ этого онъ почти все время проводилъ съ книгами и телескопомъ.

Въ 20 лѣтъ онъ напечаталъ книгу о движеніи звѣздъ, а 26-ти лѣтъ въ 1688 году, — когда появилась большая и яркая комета, — онъ сдѣлалъ величайшее открытіе.

Онъ не только изучилъ *путь* кометы, по которому она вращается вокругъ солнца, но еще высчиталъ и *время*, въ которое эта комета должна обернуть свой путь (эллипсъ). Галлей пошелъ дальше: онъ разсуждалъ такъ, — если эта комета пролетаетъ свой путь въ 76 лѣтъ, а путь ея эллипсъ, значитъ — она появлялась уже около солнца и будетъ появляться еще.

Съ этою мыслью онъ сталъ искать въ старинныхъ записяхъ замѣтки о кометахъ, появлявшихся въ разное время, и нашелъ, что комета въ 1607 году, видѣнная съ земли за 75 лѣтъ до его наблюденія, имѣетъ точно такой же путь и скорость движенія.

Онъ сталъ рыться дальше въ астрономическихъ лѣтописяхъ и вскорѣ увидѣлъ, что эта комета появлялась уже много разъ, но ее не узнавали и думали, что это все новая и новая гостья.

Галлей объявилъ съ полною увѣренностью, что яркая комета, проносившаяся около солнца въ 1531 году и 1456 году, наводившая ужась и страхъ на людей, и та, которую онъ наблюдалъ самъ (въ 1682 г.) одна и та же.

При каждомъ появленіи она имѣла различный видъ, — то ея хвостъ напоминалъ мечъ, то трубу, то винтъ.

Но Галлей узналъ свою знакомую въ ея прошломъ и предрекъ ея будущее появленіе въ 1758 году.

Онъ зналъ, что не доживетъ до этого времени и оставилъ завѣщаніе: „Когда оправдается мое научное предсказаніе, то вспомните, что первый сказалъ объ этомъ *англичанинъ*“. Онъ такъ любилъ свое отечество, что ему хотѣлось эту свою славу оставить Англій.

Насталъ 1758 годъ. Всѣ стали ждать съ нетерпѣніемъ возвращенія въ наше солнечное царство небесной гостьи.

Астрономы не сводили трубъ съ небеснаго свода и слѣдили за звѣздами. И вотъ, одинъ крестьянинъ Паличъ, любитель астрономіи, наблюдавшій небо въ своей деревушкѣ (подъ Дрезденомъ), первый замѣтилъ появленіе предсказанной гостьи и оповѣстилъ міръ: „Снова стало виднымъ для насъ, обитателей земли, появившееся послѣ продолжительнаго странствованія тѣло, которое называется кометой. Когда я, по своей упорной привычкѣ, внимательно наблюдать небесныя явленія, 25 декабря въ 6 часовъ вечера разсматривалъ въ свою подзорную трубу неподвижныя звѣзды, чтобы увидѣть, не приблизилась ли и не показалась ли задолго до того предсказанная и страстно ожидаемая комета, то на мою долю выпало невыразимое удовольствіе открыть незамѣченную туманную звѣзду. Наблюденія, повторенныя 26 и 27 декабря, подтвердили предположеніе, что это — комета.“

Радостная вѣсть объ этомъ открытіи облетѣла всѣхъ ученыхъ, всѣ направили свои телескопы въ указанную точку и

увидѣли комету. Поздравляли Палича, но вспомнили тогда и Галлея и назвали комету его именемъ.

Но послѣ него ученые узнали еще многое, чего Галлею не было извѣстно. Такъ астрономы замѣтили, что комета иногда *запаздываетъ* и не является точно въ указанное время. Оказывается, комету на пути иногда задерживаютъ такія боль-

Комета Галлея въ 1682 г.

шія планеты, какъ Юпитеръ и Сатурнъ, если они бываютъ близко отъ ея пути.

Если же комета на пути къ солнцу пройдетъ далеко отъ этихъ планетъ, то замедленія не происходитъ и она являеется *раньше*.

Ученые много работали, вычисляли и теперь знаютъ день въ день,—*когда* и *гдѣ* будетъ эта странница. Въ любой моментъ могутъ сказать, гдѣ она даже тогда, когда ее не видно.

Такъ, въ 1873 году она находилась на самомъ далекомъ

разстояніи своего пути отъ солнца и какъ разъ на поворотѣ къ нему. Теперь же она мчится въ свѣтлый уголь, къ солнцу, ее уже увидѣли въ телескопъ давно.

7 апрѣля она будетъ въ самомъ близкомъ разстояніи отъ солнца и потомъ опять направится въ свое безконечное путешествіе отъ солнца.

Наблюдать ее простымъ глазомъ можно будетъ въ началѣ апрѣля передъ восходомъ солнца. Въ Святую ночь, возвращаясь отъ заутрени, кто взглянетъ на востокъ, увидитъ блестящую комету съ громаднымъ хвостомъ. До 24 апрѣля она будетъ усиливаться въ блескъ, а послѣ этого опять скроется въ лучахъ солнца.

5—6 мая комета пронесется между землей и солнцемъ. Если вспомнить, что хвостъ кометы направленъ всегда отъ солнца, а хвосты бываютъ отъ 40—50 милліоновъ верстъ, то очень возможно, что земля попадетъ въ ея хвостъ и окупнется въ его вещество. Люди, узнавъ объ этомъ, начинаютъ сильно тревожиться. Боятся задохнуться, если въ хвостѣ окажутся удушливые газы; боятся отравиться—если газы ядовитые; боятся быть сметенными съ лица земли—если хвостъ мазнетъ землю съ невѣроятной быстротой.

Такими страхами люди пугаютъ и себя и другихъ, не зная, что такое хвостъ кометы.

Этотъ „свѣтящійся туманъ“ состоитъ изъ разряженнѣйшихъ газовъ, которые легче и слабѣе самаго тонкаго облачка. Одинъ ученый назвалъ кометный хвостъ „видимое нѣчто;“ онъ во всемъ своемъ объемѣ вѣситъ нѣсколько золотниковъ. Если даже есть въ немъ какая-нибудь доля ядовитаго газа, то онъ такъ разбавленъ во всемъ хвостѣ, что менѣе для насъ опасенъ, чѣмъ нашъ воздухъ.

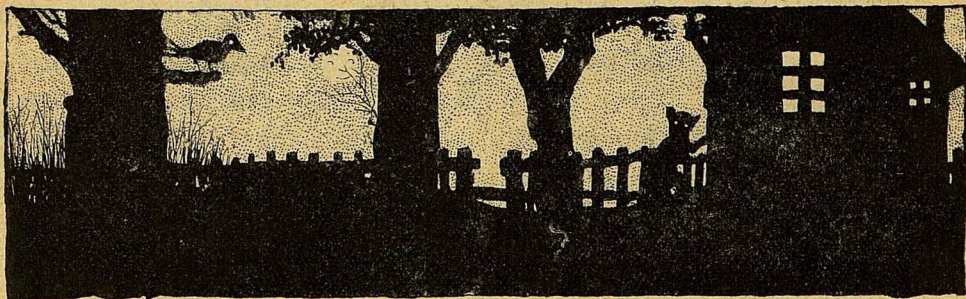
А смести насъ съ лица земли такой свѣтящійся туманъ не можетъ потому, что онъ во много разъ легче нашего воздуха.

Жизнь Хитролиса.

Приключеніе восьмое.

Изенгринъ и Хитролисъ въ кладовой у мужика.

ОДНАЖДЫ Хитролисъ спалъ ночью крѣпкимъ сномъ съ женою и дѣтьми. Вдругъ слышитъ, подъ окномъ Поспѣшные шаги, и кто-то стукнулъ въ дверь.
„Кто тамъ шатается такъ поздно, что за звѣрь?“
„Лисъ, отопри скорѣй, не узнаешь ты дяди?“
„Милѣйшій дядюшка, простите Бога ради!
Надѣюсь, принесли вы не дурную вѣсть?“
„Дурную, Хитролисъ: хочу ужасно ѣсть.

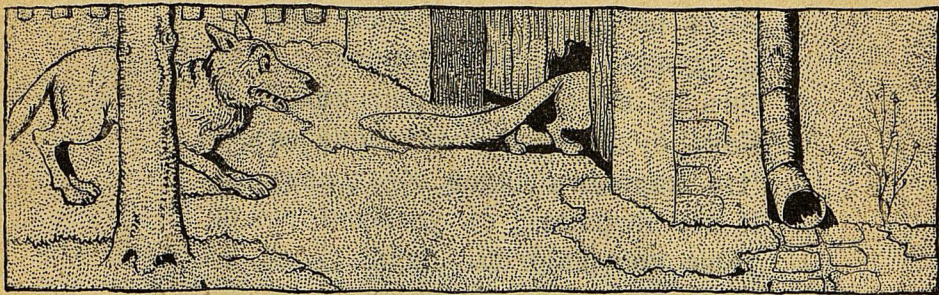

Я ошалѣлъ отъ голодухи,
А у сосѣдей ходятъ слухи,
Что знаешь ты, гдѣ взять ѣду.
Я и подумалъ: дай пойду,
Пусть мнѣ племянникъ пособитъ.
Въ желудкѣ такъ вотъ и сверлитъ“!
„Ахъ, дядя, помогу охотно,
И мы поужинаемъ плотно.
Живетъ поблизости мужикъ.
Я въ кладовую разъ проникъ
Къ нему, такъ думалъ—это сонъ.

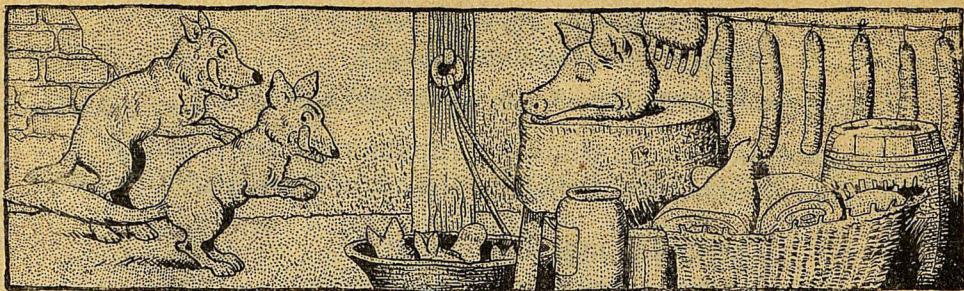
Свиной вчера зарѣзалъ онъ.
Хотите счастье попытать?“
„Идемъ же, я не въ силахъ ждать!“

Племянникъ съ дядюшкой отправились въ дорогу.
Волкъ позабылъ совѣмъ и злобу, и тревогу.

Свинина, вкусная свинина
Влекла всевластно Изенгрину.
Ни зги не видно—темнота.
Калитка плотно заперта,
Но Хитролись пронюхалъ ходъ
И смѣло дядюшку ведетъ.
„Сюда!“ шепнулъ онъ и умолкъ.
За нимъ въ дыру полѣзъ и волкъ,

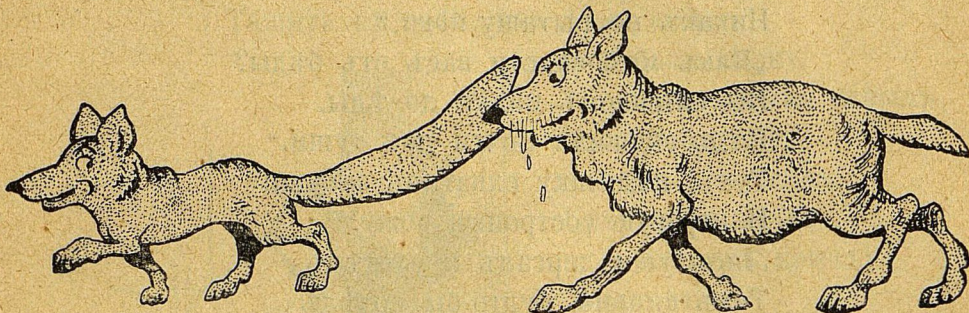

Но для него проходъ былъ малъ.
Лишь потому онъ не застрялъ,
Что много дней уже постился
И въ вѣсѣ сильно уменьшился.
Племянникъ съ дядей въ кладовой.
Едва сдержавъ восторга вой,
Припалъ къ свининѣ Изенгринъ.
Онъ все готовъ былъ съѣсть одинъ.

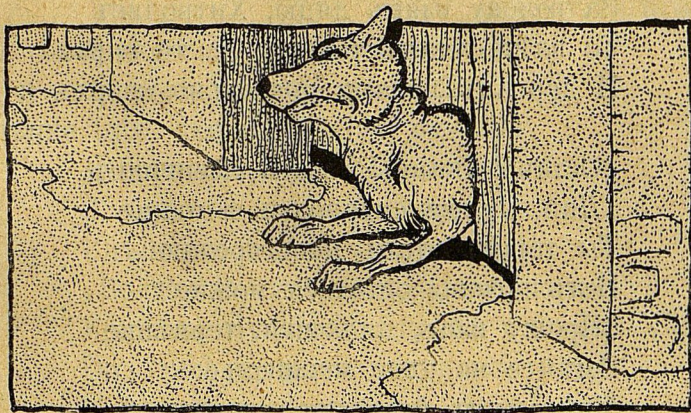

То ногу яростно грызеть,
То мягкіе хрящи жуеть,
Жиръ лижетъ и хруститъ костями,
Сверкая жадными глазами.
Сосеть, грызеть, глотаетъ, гложетъ,
А Хитролису не предложить.
Ну хорошо, что вечеркомъ
Лисъ побываль ужъ здѣсь тайкомъ
И скушалъ порцію свинины.
Онъ не ворчалъ на Изенгрину,
Какъ будто даже былъ доволенъ,
Что жаднымъ дядей обездоленъ.
И все твердилъ, съ улыбкой глядя:
„Еще покушали бы, дядя!
Попробуйте еще разокъ,
Вотъ самый вкусенькій кусокъ!“
Но наконецъ и онъ сказать
Рѣшился: „Не пора ль кончать?
Вѣдь надо, дядя, знать и честь.
Всей кладовой и вамъ не съѣсть.“
„Не съѣсть, ты истину сказалъ,“
Промолвилъ волкъ и грузно всталъ.
Онъ такъ наѣлся, что едва
Могъ выговаривать слова.

И двигался съ большимъ трудомъ,
А Лисъ твердилъ: „Идемъ, идемъ!
Глядите, звѣзды меркнуть стали,
Взойдетъ заря,—и мы пропали.“
Шатаясь и сопя, волкъ молвилъ: „Бога ради
Меня ты не пугай!..“ И поплелся къ оградѣ.

Тамъ голову въ дыру просунулъ онъ легко
И лапы выставилъ, но круглое брюшко,
Вмѣстившее не мало,
Въ отверстіи застряло.

„Ну, что же, дядюшка, мѣшаетъ вамъ пролѣзть?“
„Брюшко...“ — „Вотъ видите, не слѣдовало ѣсть
Такъ много. Вотъ къ чему ведетъ невоздержанье.
Я дѣлалъ много разъ вамъ это замѣчанье.“

„Ну, проповѣдь читать довольно!
Неловко мнѣ и очень больно.

Иди-ка лучше, помоги,
Никакъ не вытащу ноги.“

„Какъ мнѣ спасти васъ отъ бѣды?
Вы слишкомъ падки до ѣды.
Вѣдь скушали почти двѣ туши.“
Тутъ, дядюшку схвативъ за уши
И строгую сооривъ рожу,
Лисъ уши дергалъ и вертѣлъ
Такъ сильно, будто бы хотѣлъ
Съ ушами вмѣстѣ снять всю кожу.

„Ой — ой! Довольно! Трудъ напрасный!“
Взмолился дядюшка несчастный.

„Ты помощь мнѣ не подаешь,
А только за уши дерешь.“

„Ну, какъ же быть, ужъ я не знаю право.“
За голову взявъ дядю, Хитролись
То влѣво сталъ тащить ее, то вправо
И дергалъ лапами пребольно вверхъ и
внизъ.

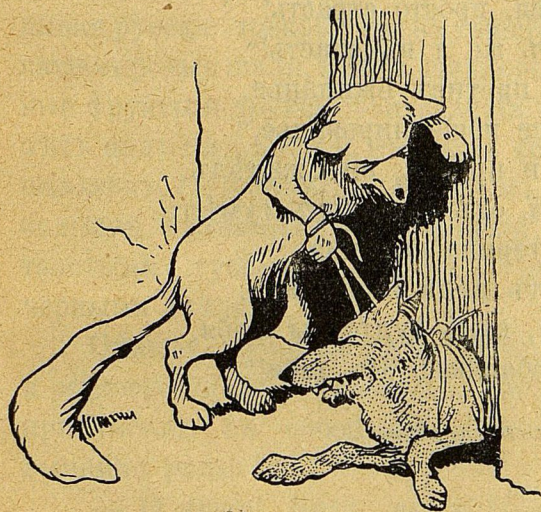
„Оставь! Оставь!“ вылъ Изенгринъ.

„Дай, лучше справлюсь я одинъ.
Ты тащишь такъ неосторожно:
Безъ головы остаться можно!“

„Прошу васъ, дядюшка, терпѣнье
Имѣйте на одно мгновенье:

Мнѣ мысль блестящая пришла.“

Хоть ночь и темная была,
Но Хитролись пошелъ къ сараю,
Пошарилъ лапочками съ краю,
Нашелъ веревку, возвратился,
Надъ Изенгриномъ наклонился,
Накинулъ петли на него
И началъ дядю своего
Тащить къ себѣ, что было силъ.

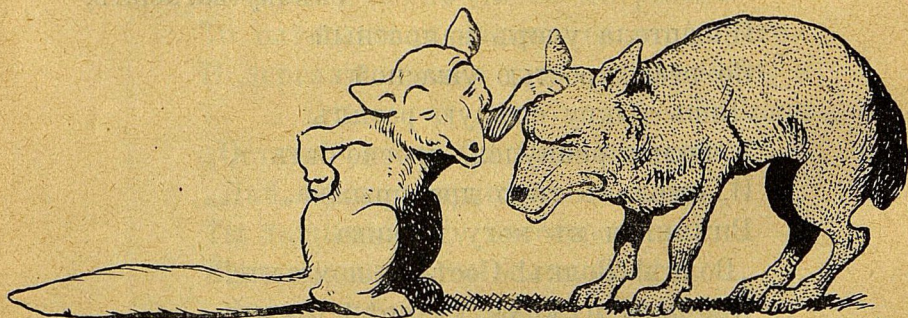
Отъ боли волкъ
такъ громко взвыль,
Что пробудился
самъ мужикъ,
Браниться началъ,
поднялъ крикъ:
„Постойте,
я вамъ закачу!“
Схватилъ зажженную
свѣчу,
Изъ кухни вертелъ
захватилъ,
Но вѣтеръ
свѣчку загасилъ,

И вертела ударъ напрасный
Со всею яростью ужасной
Лишь тыкву спѣлую разилъ.
А волкъ рванулся, проскочилъ
И, едѣлавъ тихо два прыжка,
Вцѣпился въ ногу мужика.
„Волкъ! Волкъ! Сосѣди, помогите!“
Кричалъ мужикъ, „скорѣй бѣгите,
Онъ мнѣ отгрызъ почти всю ногу!“
Проснувшись, къ мужу на подмогу

Бѣжить жена, зоветь народъ.
Волкъ бросилъ мужика, впередъ
Прокрался, миновалъ плетень
И въ темнотѣ, какъ въ свѣтлый день,
Дорогою знакомой въ лѣсъ
Стрѣлой помчался и исчезъ.
Племянникъ дядю поджидалъ.
„Ну, братецъ,“ Изенгринъ сказалъ,
Вотъ напугался, просто страсть!
Зато покушалъ же я въ сласть!“

„Жалѣю очень я, что, противъ ожиданья,
Печально кончилось все наше пированье,“
Отвѣтилъ Хитролисъ, и правда, онъ жалѣлъ,
Что Изенгринъ спастись отъ мужиковъ сумѣлъ.
Потеряна вся ночь, потеряна свинина,
И не избавленъ онъ отъ дяди Изенгрина.
Онъ гладилъ дядюшку, какъ будто бы любя,
И думалъ: „Погоди, избавлюсь отъ тебя!“

(Продолженіе слѣдуетъ).

На родинѣ первыхъ людей.

III.

Отецъ Якуба.

БАРЛЫБАЙ, отецъ Якуба, въ послѣдніе годы велъ мѣновую караванную торговлю съ Китайскимъ Туркестаномъ, обмѣнивая русскіе товары, преимущественно желѣзныя издѣлія, на кашемировыя шали, ковры, шелковыя ткани, а также на засушенные фрукты и другія произведенія этой страны. Барлыбаю было лѣтъ подъ пятьдесятъ. Это былъ коренастый и довольно тучный человѣкъ, съ широкимъ смуглымъ лицомъ, обрамленнымъ небольшою клинообразною бородкой, съ выдающимися скулами, толстыми губами, приплюснутымъ носомъ и небольшими черными глазами.

Однако, несмотря на тучность, Барлыбай былъ подвижной и жизнерадостный человѣкъ. Когда Якубъ сообщилъ отцу, что пригласилъ съ собою на лѣто пріятеля, тотъ былъ чрезвычайно радъ.

— О якши! Бикъ якши! *)—воскликнулъ онъ.—Значитъ, теперь мы не будемъ скучать. Только, вѣдь, вотъ въ чемъ затрудненіе: намъ придется на этотъ разъ ѣхать черезъ мѣстности, принадлежащія Китаю, а китайцы очень подозрительно относятся ко всѣмъ русскимъ. Если таможенные китайскіе чиновники узнаютъ, что у насъ въ караванѣ находится русскій, то какъ бы изъ-за этого не вышло для нашего молодого друга непріятностей.

— Ну, мы его окиргизимъ: обрѣемъ ему голову и одѣнемъ въ киргизскую одежду. Онъ согласится!—сказалъ Якубъ.

*) Хорошо! Очень хорошо!

— А если такъ, то лучше ничего и не надо. Я буду выдавать его за своего родственника.

Въ тотъ же день Якубъ пригласилъ къ себѣ Семенова и, познакомивъ его съ отцомъ, рассказалъ о сомнѣніяхъ Барлыбая и о способѣ, какъ разрѣшить это затрудненіе.

— О, я буду очень радъ перерядиться киргизомъ!—вскричалъ Семеновъ.—Но только вотъ горе,—подумавъ, добавилъ онъ:—вѣдь я, хоть и давно учусь киргизскому языку, а все-таки очень плохо его знаю.

— Ну, не бѣда, дорогой подучитесь; а въ случаѣ надобности, я буду говорить, что вы остались сиротой, съ дѣтства жили въ русской семьѣ, позабыли родной языкъ, а что я васъ случайно нашелъ и усыновилъ, какъ ближайшаго своего родственника,—успокоилъ Барлыбай.

— Ура!—вскричалъ Якубъ.—Значитъ, всѣ затрудненія устранены. А теперь надо заняться маскарадомъ.

Вечеромъ въ тотъ же день Семеновъ съ Якубомъ отправились къ циркульнику, который обоимъ имъ обрилъ головы, такъ какъ и Якубъ въ гимназій носилъ длинные волосы. Затѣмъ они надѣли на головы тюбетейки, нарядились въ киргизскіе халаты и отправились на гулянье въ мѣстный садъ, гдѣ играла музыка. Встрѣчаясь съ нѣкоторыми товарищами, они не мало изумляли ихъ. Никто изъ гимназистовъ съ перваго взгляда не могъ узнать Семенова, и когда наконецъ узнавали, то шуткамъ не было конца.

— Якши! Бикъ якши!—всплеснувъ руками отъ восторга, одобрилъ Семенова Барлыбай, когда пріятели вернулись домой.—Вотъ такъ джигить!*) Настоящій киргизскій джигить! Ну, теперь ни одному китайцу и въ голову не придетъ, что вы русскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) Юноша наѣздникъ.

Вѣсти отовсюду.

Полярная весна. На самомъ сѣверѣ Россіи, въ полярныхъ ея земляхъ, весна приходитъ тогда, когда у насъ уже лѣто. Тамъ и тепла настоящаго не бываетъ и почва, какъ будто, не подходящая для растений, а между тѣмъ, когда тамъ посѣяли траву, она выросла такой высокой и густой, какую рѣдко можно встрѣтить и въ средней полосѣ Россіи. Замѣтивъ это, попробовали сѣять тамъ разныя огородныя овощи и даже кукурузу, и оказалось, что все это можетъ расти тамъ лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Все, чего не хватаетъ для растений въ холодныхъ странахъ, пополняетъ полярный свѣтъ. Въ то время, какъ появляются растенія, тамъ ночи исчезаютъ. Этотъ постоянный свѣтъ дѣлаетъ всякое растеніе такимъ здоровымъ, что ему не страшны даже весенніе заморозки.

Русская экспедиція въ Туркестанѣ. Изъ Китайскаго Туркестана вернулась русская экспедиція. Выѣхала она въ іюнь 1909 г. На одинъ путь у нея ушло пять мѣсяцевъ. Много интереснаго удалось узнать ученымъ. Побывали они и въ старинныхъ брошенныхъ городахъ, гдѣ люди вырубали себѣ жилища прямо въ пещерахъ и здѣсь же въ жилищахъ хоронили своихъ покойниковъ; видѣли развалины храмовъ и монастырей, сохранившихся еще съ IV столѣтія. Среди этихъ остатковъ глубокой старины живетъ теперь бѣдный простодушный и веселый народъ. Жители очень любятъ музыку и пѣніе. Они очень трудолюбивы. Путешественниковъ встрѣчали ласково и съ большимъ любопытствомъ. Много интереснаго привезъ съ собою начальникъ экспедиціи. У него цѣлые ящики съ коллекціями, есть тамъ и старинныя рукописи, и стѣнная живопись, много деревянныхъ и бронзовыхъ статуэтокъ. Много у него и фотографій съ храмовъ, монастырей и пещеръ.

Народныя поговорки и примѣты на апрѣль.

Святая пришла—Божью благодать принесла.

На Зосиму пчельника (17 апрѣля) разставляй улья на пчельникъ.

Егорій (23 апрѣля) землю отмыкаетъ.

Идетъ Егоръ съ высокихъ горъ, ковромъ покрытъ, скобой прибитъ. (Подснѣжная горная вода и таянье снѣга на горахъ).

Гони животину на Юрьеву росу.

Съ Юрья соловей запѣваетъ.

Егорій изъ-подъ спуда зелену траву выгоняетъ.

Вся тварь живая у Егорья подъ рукой.

Пора пахать, когда грому Богъ далъ и лѣсъ одѣвается.

Ласточка весну начинаетъ, соловей лѣто кончаетъ.

Убери пень въ вешній день, и тотъ пригожъ станеть.

15 апрѣля—день св. Пуда.

На день св. Пуда вынимай пчелъ изъ-подъ спуда.

Почта „Тропинки“.

Письмо шестнадцатое.

Прошу милую редакцію помѣстить
два стихотворенія, написанныхъ мною
7 и 9 лѣтъ.

Село Лебяжье.

На берегу могучаго залива
Есть прекрасный уголокъ,
Никогда тамъ не тоскливо,
Въ жаръ лѣтній манитъ холодокъ.
Поселокъ скромный лопмановъ:
Десятка три простыхъ домовъ,
Кругомъ сыпучіе пески;
Вдоль домиковъ ведутъ мостки;
Вдали стоитъ сосновый боръ,
Въ немъ слышенъ птичекъ разговоръ.
Сладко пахнетъ разными цвѣтами съ
луговъ,

Дальше березнякъ полный всякихъ
грибовъ;
То милое Лебяжье—наша отрада,
За зимнее усердіе дѣтямъ награда.

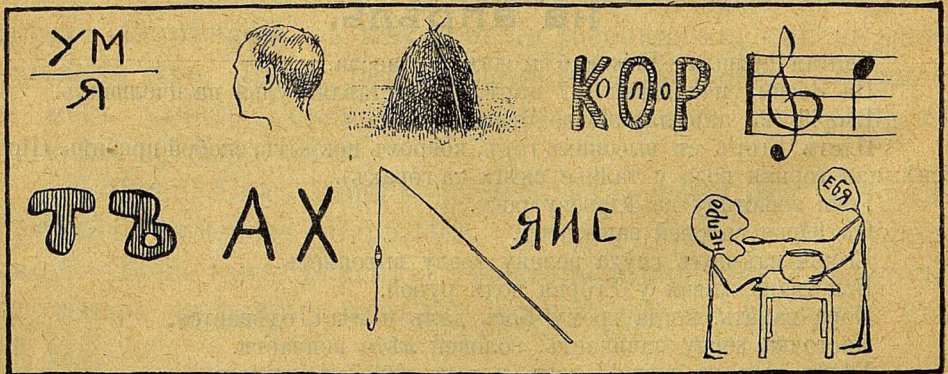
Утро.

Солнышко сверкаетъ
Весело съ небесъ,
Утро наступаетъ,
Оживился лѣсъ.
Голуби летаютъ,
Пѣтухи поютъ.
Тамъ собаки лаютъ—
Избы стерегутъ.
На полѣ работы
Рано начались:
Начались заботы
Пѣсни раздались.

Петербургъ.

Г. А.
13 лѣтъ.

Ребусъ № 4.

Отъ конторы редакціи.

Просимъ прочесть непременно.

1. Рукописи, присылаемые въ редакцію, должны быть четко написаны и снабжены подробнымъ адресомъ автора. Принятая рукопись, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются.

2. Лица, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, прилагаютъ 7-ми копеечную марку для отвѣта.

3. Заявленія о неполученіи номера адресуются непосредственно въ редакцію и не позже полученія слѣдующаго №.

Несвоевременныя требованія пропавшихъ №№ редакція удовлетворять не можетъ.

4. Заявленія о перемѣнѣ адреса посылаются непосредственно въ редакцію, при чемъ необходимо указать и старый адресъ. При перемѣнѣ петербургскаго адреса на петербургскій или иногороднаго на иногородный уплачивается 20 коп., а при перемѣнѣ петербургскаго на иногородній или иногороднаго на петербургскій уплачивается 40 коп. До полученія денегъ, контора продолжаетъ высылать журналъ по старому адресу.

5. Допускается разсрочка: при подпискѣ 1 р., и остальныхъ деньги не позднее 15-го Апрѣля.

6. Желающіе получить рукопись обратно должны присылать почтовые марки для отсылки рукописи заказной бандеролью. Простой бандеролью или на свой счетъ редакція рукописей не отсылаетъ.

Редакція открыта для личныхъ переговоровъ по пятницамъ отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ.

Условія подписки на 1910 г. на годъ 3 р. съ пересылкой и доставкой.

Открыта подписка на 1910 годъ

на иллюстрированный дѣтскій журналъ

5 ѱ годъ
изданія.

ТРОПИНКА

24 нн.
въ годъ

Журналъ выходитъ **1 и 15** каждаго мѣсяца въ **2—3** печатныхъ листа и предназначается для дѣтей средняго возраста.

Въ журналѣ будутъ помѣщаться повѣсти, рассказы, стихи, театральныя пьесы, статьи научно-образовательнаго характера, ребусы, шарады и загадки.

Въ 1910 году въ „Тропинкѣ“ будетъ напечатано, между прочимъ, слѣдующее:
Зин. Венгеровой „Донъ-Кихоть“. *З. Н. Гиллиусъ* „Полетѣли“ (о воздухоплаваніи).
К. П. Иванова „Черный мельникъ“. *П. Инфантьева* „На родинѣ первыхъ людей“.
(Путешествіе двухъ гимназистовъ по Средней Азіи). *И. С. Кондурушкина* „Сказка о четырехъ вѣтрахъ“. *Кл. В. Лукашевичъ* „Нелюбимая подруга“. *Н. И. Манасеиной* „Цербетская принцесса“. (Повѣсть изъ дѣтства и юности Екатерины II). *Проф. М. И. Ростовцева* „Олимпийскія игры“. *П. Соловьевой (Аллегро)* „Царевна Земляничка“ (пьеса въ стихахъ). *В. Л. Шатиръ* „Въ зоологическомъ саду“ и мн. др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ пересылкой и доставкой **3 руб.**
Для ознакомленія съ журналомъ можно выписывать его на 4 мѣсяца за **1 руб.** При желаніи продлить подписку остальные деньги должны быть присланы въ редакцію не позднеѣ 15-го апрѣля.

Въ редакціи имѣются въ небольшомъ количествѣ комплекты 1908 и 1909 г.г.

Комплекты 1906 и 1907 г.г. всеѣ разошлись.

Подписка принимается въ конторѣ журнала и во всеѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

ОТДѢЛЕНІЕ КОНТОРЫ: Москва, при конторѣ Печковской, Петровскія линіи.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ И КОНТОРЫ: С.-Петербургъ, Вознесенскій пр., № 36, кв. 4.

Телефонъ 297—55.

Редакторы-Издатели *Л. Соловьева* и *Ж. Манасеина*.

